

КНИГИ О ТЕХ, КТО СПАСАЕТ ЖИЗНИ

ГЕНРИ МАРШ

всемирно известный врач-нейрохирург

ПРИЗВАНИЕ

О ВЫБОРЕ, ДОЛГЕ И НЕЙРОХИРУРГИИ

БОМБОРА™

Москва 2018

УДК 616.8
ББК 56.13
М30

Henry Marsh

Admissions: Life as a Brain Surgeon

Copyright © 2017 by Henry Marsh. All rights reserved.

Фото на обложке Patricksherlock.com

Перевод с английского *И. Чорного*

Под рецензией *А. Звонкова*

Марш, Генри.

М30 Призвание. О выборе, долге и нейрохирургии / Генри Марш ; [пер. с англ. И. Чорного]. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Медицина без границ. Книги о тех, кто спасает жизни).

ISBN 978-5-699-95734-7

Доктор Марш уходит на пенсию, но сидеть без дела не собирается. Сейчас, когда нейрохирургия — самая большая любовь его жизни — уже не будет отнимать почти все свободное время, он сможет сделать то, что давно обещал себе и другим. Например, можно собственноручно восстановить ветхий дом, за которым полвека никто толком не присматривал. Или посадить в одичалом саду фруктовые деревья — яблони и грецкий орех. Или прогуляться с сыном по предгорьям Гималаев в надежде увидеть заснеженные вершины. Или, хоть и с некоторым опозданием, принести дань уважения родителям. И конечно же, можно по-прежнему спасать людей — пусть и не в родной Англии, а в далеком Непале, где помощь опытного нейрохирурга никогда не будет лишней.

УДК 616.8
ББК 56.13

ISBN 978-5-699-95734-7

© Иван Чорный, перевод на русский язык, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

	Предисловие	12
1	Дом зрителя шлюза	15
2	Поражение в Лондоне	44
3	Непал	75
4	Америка	106
5	Краниотомия в сознании	115
6	Между мозгом и разумом	136
7	Верхом на слоне	158
8	Адвокаты	195
9	Сделай сам	204
10	Разбитые окна	221
11	Память	236
12	Украина	256
13	Извинения	264
14	Украинское фиаско	278
15	Ни на солнце, ни на смерть	297
	Благодарности	317

«Сенсационно... Марш ворчлив, непреклонен, бесстрастен, любит соревноваться, частенько высокомерен и неизменно любопытен. В этой книге он в очередной раз радует нас своей прямотой».

The Sunday Times

«Великолепно... Книга воздает хвалу хирургии и науке о жизни. Мне не хотелось, чтобы она кончалась. Генри Марш — один из выдающихся современных авторов книг о медицине, чей талант рассказчика переносит нас прямо на место событий. Хронометраж книги бесподобен... Построенные им предложения — словно работа искусного ремесленника, выполненная с той же любовью, которую он питает к хирургии и столярному делу».

Джессами Калкин, Daily Telegraph

«Для хирурга Марш на удивление эмоциональный человек, который тут же вызывает симпатию читателя. Рассказ о нравственном и психологическом становлении молодого Марша, проходящий через всю книгу, сам по себе достоин огромного внимания. Кроме того, он прекрасный писатель и рассказчик, а также внимательный наблюдатель».

Тим Адамс, Observer

«Книга «Не навреди» откровенная и нежная, стала одним из самых выдающихся произведений, написанных врачом... Следующая книга тоже не разочаровала. Свобо-

домыслящий врач снова с нами — еще более вспыльчивый и резкий. Он снова рассказывает волнующие истории об опасных операциях на пока еще не завоеванном рубеже медицины, переплетающиеся с его собственными воспоминаниями. Марш великолепен — мастер черного как смола бесстрастного юмора».

Мелани Рейд, The Times

«В своей превосходной книге Генри Марш делится с нами удивительнейшими фактами, о которых он узнал за сорок лет работы нейрохирургом. Его глубочайшая человечность непременно тронет любого читателя».

Good Housekeeping

«Увлекательная книга, от которой невозможно оторваться... Это воодушевляющее, а порой даже будоражающее чтение, позволяющее одним глазком взглянуть на мир, попасть в который не хочется никому».

The Arts Desk

«По-настоящему экстраординарный рассказ. За откровенностью и прагматизмом Генри Марша скрывается удивительная жизнь крайне любознательного человека, напрямую контактирующего с самым сложным органом в известной нам Вселенной. Я часто задумывался о том, как устроен мой собственный мозг, как работают отдельные его составляющие. Я задумывался о микроскопических волокнах желеобразного вещества, определяющего мою сущность. И вот передо мной человек, который видел все это воочию, трогал эту материю, приводил ее в порядок — и все равно не знает разгадки. Велик соблазн попытаться отыскать магию в этой тайне, однако книга прославляет в первую очередь величие человеческого мозга».

Крис Пэкхем

Посвящается Уильяму, Саре, Катарине и Айрис

Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть
в упор.

Франсуа де Ларошфуко

Нужно, чтобы сапоги были всегда на тебе, нужно,
насколько это зависит от нас, быть постоянно
готовыми к походу...

Мишель де Монтень

Медицина — наука о неуверенности и искусство
вероятности...

Уильям Ослер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я люблю шутить, что самое мое драгоценное имущество, которое я ставлю превыше всех своих инструментов, книг, картин и фамильного антиквариата, — это набор для самоубийства, который я прячу дома. Он состоит из нескольких препаратов, накопившихся у меня за годы работы. Не уверен, правда, подействуют ли они сейчас: срок годности на упаковках не указан. Было бы неловко очнуться в реанимации после неудавшейся попытки суицида или в приемном покое больницы прямо в процессе промывания желудка. К людям, пытавшимся покончить с собой, больничным персоналом частенько относятся с презрением и снисхождением — как к тем, кому не повезло ни в жизни, ни в смерти; как к тем, кто сам виноват в собственном несчастье.

Работая младшим врачом, еще до начала моей карьеры нейрохирурга, я столкнулся с юной девушкой, которую удалось откачать после передозировки барбитуратами. Она хотела свести счеты с жизнью из-за неудачной любви, но подруга нашла ее, уже бессознательную, и привезла в больницу, где девушку поместили в реанимацию и сутки держали на аппарате искусственной вентиляции легких. После этого ее перевели в отделение, в котором я работал интерном — самым младшим в иерархии больничных врачей. Я видел, как она приходит в себя — сперва удивленная и озадаченная тем, что по-прежнему жива, а затем не совсем уверенная в том, что ей вообще стоило возвращаться в царство живых. Помню, как сидел на краю ее кровати и разговаривал с ней. Она была очень худой — очевидно, из-за анорексии. У нее были короткие, покрашенные в темно-красный цвет волосы, которые спутались и растрепались за сутки в коме. Она сидела, положив подбородок на прижатые к груди колени. Держалась она довольно спокойно: возможно, по-прежнему давала о себе знать передозировка, а может, девушка вос-

принимала больницу как лимб — место между адом и раем, где ей предоставили небольшую передышку от несчастий. За те пару дней, что она провела в палате, мы, можно сказать, подружились, а потом ее перевели в психиатрическое отделение. Кстати, выяснилось, что у нас имелись общие знакомые по Оксфорду, но я совершенно не в курсе, как сложилась ее дальнейшая судьба.

Должен признаться, что не уверен, воспользуюсь ли я препаратами из набора для самоубийства, если — а это может произойти уже в ближайшем будущем — столкнусь с первыми симптомами деменции или если у меня обнаружат неизлечимое заболевание вроде злокачественных опухолей мозга, с которыми я так хорошо познакомился за годы работы нейрохирургом. Когда ты здоров и чувствуешь себя хорошо, совсем не сложно лелеять мечту о том, что через много лет умрешь с достоинством, уйдя из жизни по собственной воле, ведь смерть кажется такой далекой. Если я не умру мгновенно (например, от инсульта или инфаркта либо после падения с велосипеда), то даже предположить не могу, что почувствую, узнав, что моя жизнь подходит к концу — к концу, который может оказаться весьма горьким и унижительным. Я врач и не могу тешить себя иллюзиями. Вместе с тем я нисколько не удивлюсь, если вдруг начну отчаянно цепляться за ускользающую жизнь. В странах, где эвтаназия узаконена, многие люди, страдающие неизлечимой болезнью в терминальной стадии, изначально интересуются возможностью быстро уйти из жизни, но так и не решаются ею воспользоваться до самого конца. Может быть, все, чего им хотелось, — убедиться в том, что они смогут быстро покончить с мучениями, если те станут невыносимыми, однако на деле их последние дни прошли довольно спокойно. А может, с приближением смерти они начали надеяться на то, что у них все еще есть будущее. Сталкиваясь с противоречащими друг другу мыслями, мы испытываем так называемый

когнитивный диссонанс. Разумом мы понимаем, что вскоре умрем, — и принимаем это, но в глубине души думаем, что для нас еще не все кончено. Словно наш мозг запрограммирован на то, чтобы лелеять надежду вопреки всему.

С приближением смерти наше самоощущение начинает разрушаться. Некоторые психологи и философы придерживаются мнения, что это самоощущение — восприятие себя как отдельной личности, способной принимать осознанные решения, — не более чем титульный лист партитуры нашего подсознания, которая состоит из множества неясных, зачастую диссонирующих голосов. Большая часть того, что мы считаем реальным, в действительности лишь иллюзия — утешительная сказка, сотворенная мозгом для того, чтобы мы могли находить хоть какой-то смысл в огромном потоке внешних и внутренних раздражителей, а также в бессознательных механизмах и импульсах самого мозга.

Кое-кто даже уверяет, будто и само по себе сознание тоже иллюзия — якобы оно не «настоящее», а всего-навсего обман, к которому прибегает наш мозг; впрочем, я не до конца понимаю, что имеется в виду. Хороший врач разговаривает с умирающим пациентом, обращаясь одновременно и к той его части, что прекрасно знает о предстоящей смерти, и к той, что надеется еще пожить. Хороший врач не врёт, но и не лишает пациента надежды, пусть даже все, на что тот может рассчитывать, — несколько дней. Такие беседы вести непросто, и на них требуется немало времени, причем большую его часть придется потратить на долгие безмолвные паузы. Переполненные больничные палаты — а именно в них большинству из нас суждено попрощаться с жизнью — не лучшее место для подобных разговоров. Когда мы окажемся на пороге смерти, где-то в укромном уголке нашего разума по-прежнему будет тлеть крошечный уголек надежды, и только перед самым концом мы смиримся с неизбежным и приготовимся к смерти.

ДОМ СМОТРИТЕЛЯ ШЛЮЗА

Дом стоял один-одинешенек на берегу канала — покинутый и пустой, с гнилыми оконными рамами, свисающими с петь. Сорняки в запущенном саду были мне по грудь, и, как я позже выяснил, они скрывали барахло, накопившееся за пятьдесят лет. Дом обращен фасадом к каналу и шлюзу, прямо за ним — озеро, а дальше железная дорога. Должно быть, компания, владевшая домом, заплатила кому-то, чтобы тот очистил дом от хлама, а недобросовестный работник просто выбросил все за старый забор, отделявший сад от озера, и теперь весь берег был завален мусором: тут нашлись старый матрас, детали от пылесоса, кухонная плита, стулья без ножек, а кроме того, множество ржавых жестянок и разбитых бутылок. И тем не менее за горой мусора виднелось озеро, в котором рос камыш и плавала пара лебедей.

Впервые я увидел этот дом субботним утром. О нем рассказала мне подруга, приметившая объявление о продаже. Она знала, что я подыскиваю в Оксфорде местечко для столярной мастерской, чтобы было чем занять себя после выхода на пенсию. Я припарковал машину на обочине объездной дороги и двинулся вдоль эстакады; мимо меня с оглушительным ревом проносились легковые машины и грузовики. Я отыскал маленькую, еле заметную дыру в живой изгороди со стороны дороги. Длинная лестница, усыпанная опавшими листьями и укрытая от солнца ветвями старых буков, вела вниз, к каналу. Мне казалось, будто я внезапно перенесся в прошлое. Я спустился к каналу: возле него царил тишина и спокойствие — даже дорожный шум сюда не долетал. Дом стоял в нескольких сотнях метров, к нему вел